

Такое насмешливое счастье

ВОЛКОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Восьмой международный Волковский фестиваль открылся церемонией вручения премий Правительства Российской Федерации имени Федора Волкова. Спектакль лауреата премии – Минусинского краевого драматического театра «Где твои крылья?..» мало соответствовал торжеству момента, отступив от принятых канонов яркого и роскошного зрелища. Парадокс в том, что театры, представлявшие спектакли в первые дни фестиваля, будто сговорившись, разыгрывали один и тот же сюжет: женщина соблазненная и покинутая. В пространстве мифологическом (библейском или античном), современном российском, в космосе, в мире, в государстве, в квартире...

«Где твои крылья?..» Ю. Волкова, «Красавец-мужчина» А. Н. Островского, «Медея» Л. Разумовской и даже театральные роман в письмах – Чехова и Лики Мизиновой все о том же... О насмешливом и обманном женском счастье-несчастье, о кругах ада, в которых вольно или невольно оказывается заблудившаяся женская душа...

ТАМ, ЗА ХОЛМАМИ, НАШ ДОМ...

Тягучая, размеренно-однообразная жизнь пяти женщин в бараке послевоенного времени. За стеной – ругань и вечные скандалы, фон и пространство неразличимы: барак – жизнь – зона. Мир раздроблен, в нем царит тьма. На сцене больше тени, чем света, погруженность в сумрак ночи. Озлобленные или побитые жизнью соседки – соглядатаи, надзиратели, палачи, конвоиры... Скрыться, уйти отсюда можно лишь в какой-нибудь неведомый Гельдерланд, возникающий в альбоме, который так любит рассматривать Мария. Но подождем называть пьесу Юрия Волкова «Вид на Гельдерланд» и поставленный по ней заслуженным деятелем искусств России Алексеем Песеговым спектакль «Где твои крылья?..» привычным словом «чернуха». Есть нечто, что вдруг притягивает неведомой энергетикой.

– Где мы? – спросит Мария. И ответит себе и невидимому собеседнику: – В Гельдерланде. Вот там, за холмами, видишь, под деревьями – дом. Он как раз в тени. Это наш дом. А дорога под солнцем – это наша дорога. И два мальчика играют в траве за домом, это наши дети...

Удивительный актерский ансамбль в этом спектакле. Юная, вступающая в жизнь и брошенная мужем Мария (Н. Котельникова), прошедшая огни и воды хозяйка жилища и главная тиранка Дора (заслуженная артистка РФ Л. Никитина), вольно живущая актриса Ида (Л. Медведева), ханжа-монашенка Шура (Г. Зыкова), униженно-исте-

ричная Нина (А. Зыкова)... Пять судеб, пять голосов – музыкальных партий. В темном бараке Дора рассказывает о том, как возила сына в Эрмитаж, а Мария с Идой беседуют о Рембрандте и малоизвестном художнике Филлипе де Конинке из «малых голландцев», и женщины не раз возвращаются к рембрандтовской Данае.

Библейские мотивы у Песегова обозначены отчетливо. В безбожном мире малейшая искра способна погаснуть в душном плену. Мария живет тем, что рвется освободить пленный дух, преодолеть косность бытия. Ее путь, восхождение, возвращение к свету, к своему первоначальному облику, и есть смысл спектакля. Героиня Наталья Котельниковой рассматривает альбом западноевропейской живописи с пейзажами де Конинка, мир чудесный, несущий уют и тепло, обаяние и полноту бытия. Здесь есть свет, перспектива... Река, лес, холмы, незатейливая деревенская природа. Простор и даль, горизонт. Но почему из живописи и из жизни исчезают мягкость и человечность?

Мария в исполнении Натальи Котельниковой непрерывно ищет истину, она находит идеал женской и человеческой красоты в Иде, не задумываясь над ее «лжевоплощением» и греховной сущью. Она и на театральном танец Иды – Федры – провинциально-пародийный пластиче-

ский отсвет Алисы Коонен (в известном таировском спектакле) смотрит с восхищением и монологу Федры о преступной страсти внимает с восторгом. Нет, она видит Вечную и Прекрасную, как у Блока, Незнакомку, с очами синими и бездонными.

Мощное, животворное начало сидит в этой девочке, и грубая барачная жизнь, где «все расхищено, предано, продано...», не может сломить ее суть. «Отчего же вдруг стало светло?» А светло потому, что Мария ведет непрерывный внутренний диалог – с возлюбленным, с Бо-

«Медея». Ясон – заслуженный артист России Сергей Симошин, Медея – заслуженная артистка России Людмила Манякина.

гом, с Лучом света, который когда-то проник к Данае... Мария задыхается, но окно распахнется, и очистительная стихия ветра вырвется на сцену, в мир, «раскрытый настезь бешенству ветров...».

ВЫМАЛИВАЮЩИЕ ЛЮБОВЬ

«Печет!» – жалуется уже не Мария, а Медея – Л. Манякина, ее разрывает невыносимая внутренняя боль. Не барак, но каменистый берег моря, выжженное солнцем пространство как испепеленная душа Медеи, как осыпающийся песок-время, шум моря, но нет морского простора, он не задан режиссером А. Цодиковым в спектакле Курского драматического театра.

Людмила Манякина в пьесе Разумовской пытается отыскать трагедийные интонации Еврипида, переводя существование в

«Насмешливое мое счастье». Лика Мизинова – Маргарит Иггитон, Чехов – Андрей Бабель.

намеренно высокую тональность, в роковой жребий. Но Цодиков ставил действие скорее иронико-трагическое, нежели трагедийное. Все персонажи спектакля, кроме Медеи, фигуры вполне современные, в плащах и шляпах, а то и камуфляже. Второй акт синхронизировал несоответствия и снял многие вопросы. Отчетливее проявилась мысль о глобальной пустоте, утрате связи с Богом-Зевсом, а затем – на пепелище вымаливание бедствий и катастроф.

Брошенная, покинутая Ясоном, оскорбленная, униженная, мстятая. Во имя чего были принесены великие жертвы? Во имя чего добыто золотое руно, зачем героические подвиги, если они ныне никому не нужны... Любовь, пострашенная на крови, кровью и обернется. «Вымаливающему любовь дается ненависть». Сгорает Коринф, но в пламени мести сгорает и мстительница.

В версии МХАТ имени М. Горького «Красавец-мужчина» А. Н. Островского сюжет о соблазненной и покинутой разыгран, как и подобает комедии Островского, в комедийном духе. Правда, разыгран, как говорится, «по краям». Главная героиня спектакля Зоя (Елена Коробейникова) – голубь чистый, светлый, непорочный, птичка Божия, беспримесное идеальное существо, говорящее ис-

ключительно возвышенно-полетно или жалостливо-страдательно...

Есть и Аполлон (Александр Титоренко), наделенный вполне физической красотой. Но, к счастью, у Зои как жертвы обстоятельств есть сильные защитники. В первую очередь Наум Федотыч Лотохин – народный артист России Юрий Горобец. Его Лотохин мудр мудростью Черчилля и Эркюля Пуаро, он покоряет обаянием с первого же выхода на сцену, он становится любимцем публики от начала и до конца, а публике, конечно же, понятно, что он выведет альфонса на чистую воду... Одно только присутствие Лотохина – Горобца, его блистательные диалоги подарили публике истинное наслаждение. (Скажем, что по окончании спектакля Горобца поздравляли с юбилеем, устроили овацию, подарили афиши спектаклей Волковского с его участием, ведь Юрий Васильевич начинал на Волковской сцене...)

Кроме того, блистали в этом спектакле и заслуженная артистка России Лидия Матасова в роли Сосипатры, и Лариса Голубина (Сусанна), и Генриетта Ромодина (Аполлинария).

ЛЮБОВЬ КАК МЕЧТА И МИРАЖ

Ставя и играя «Насмешливое мое счастье», Андрей Мала-

ев – Бабель (театр «Backlot», США) попытался проникнуть в загадку глубоко личной драмы Чехова. В свое время, в 60-х годах, пьеса Леонида Малюгина «Насмешливое мое счастье», построенная на переписке Чехова, Лики Мизиновой и Марии Павловны Чеховой, была весьма популярна. Среди действующих лиц – Горький, Александр Чехов. Бабель показал первую часть будущей дилогии, где играют актеры, пытающиеся понять парадоксы взаимоотношений Чехова и Лики.

Предполагалось, что спектакль будет сыгран на русском и английском, поскольку в роли Лики занята американская актриса Маргарит Иггитон. Бабель все же решил играть на чистом английском. В хорошем смысле слова это был домашний спектакль на камерной сцене Волковского. Собралась уютная компания друзей, почитателей Чехова и Лики. Медленное рассматривание слайдов, погруженность в эпоху, в «осенние сумерки Чехова и Левитана»...

Чехов у Бабеля – враг сантиментов и выпренности, враг личных увлечений, о творчестве говорить не расположен, все лаконично – написал «Степь», купил Мелихово, пишет на перекладных по дороге из Сибири на Сахалин... И почти весь спектакль – эта тема не только сахалинской катерги, но каторжной жизни, переключившейся с каторжным писательским трудом, который остается за кадром...

Чехов – Бабель держит себя в оболочке холодной иронии и с удовольствием примеряет неприступный образ мелиховского «затворника», несокрушимого богатыря по складу тела и души. Диалог – умный, тонкий, иногда пронзительный, исповедальный, правдивый, парадоксальный. И лишь подспудно проскальзывает горечь Чехова, помноженная на вынужденное одиночество. В письмах Чехова звучит неподдельная боль, почти отчаяние от непонимания обществом дара художника.

Лика – Маргарит Иггитон – женщина, влюбленная в Чехова, трогательно лиричная, неуловимо печальная, словно предчувствующая заранее, что роман принесет разлуку и печаль. Может быть, ей не помешали бы легкость, озорство, лукавство, игра... Ведь Лика – и актриса тоже. Иггитон в Лике играет неуловимость мечты, ее Лика разбивается о мираж любви. В ее глазах слезы. «Жизнь на русской земле не скоро станет прекрасна, – писал Чехов. – Но завтрашние русские люди будут знать твердо, что приблизить «доброе новое время» зависит от них самих...»

Маргарита ВАНЯШОВА.